НАУЧИЛИСЬ ЛИ?

В «С.-Петербургских академических ведомостях» напечатана и перепечатана в «Северной пчеле», а быть может, еще и в других газетах, статья под заглавием: «Учиться или не учиться?» [Хорошо ли сделали те, которые напечатали эту статью, мы увидим из того, явятся ли в печати мысли, вызванные ею в нас. Каждый может иметь о всяком предмете свое мнение и поступает хорошо, если предлагает его на обсуждение общества; если статья «Учиться или не учиться?» предлагает на обсуждение общества взгляд, ею выражаемый, лица, поместившие эту статью в наших газетах, поступили хорошо. Но в таком случае пусть же они не отнимают у общества права обсуждать этот взгляд. Если же считают они ненужным для себя или неудобным для когонибудь или для чего-нибудь выслушивать и принимать к соображению публичные ответы на свой взгляд, если они хотят, чтобы этому их вэгляду общество только повиновалось, не рассуждая об его основательности, в таком случае он должен был высказываться в форме приказания, распоряжения, циркуляра или указа, а не в форме рассуждающей статьи, и придавать ему такую форму - было дело не хорошее. Посмотрим же, можно ли кому-нибудь, кроме автора статьи «Учиться или не учиться?» и людей, одобряющих его вэгляд, публично рассуждать о предметах, к рассуждению о которых повидимому вызывает эта статья.

Начинается она тем, что «и смешно и грустно, а приходится сделать вопрос: хотим мы учиться или нет?» Кто это «мы»? По грамматическому смыслу ближе всего тут разуметь автора статьи и людей, составляющих одно с ним. Если бы он предлагал свой вопрос в этом смысле, было бы, пожалуй, «и смешно и грустно» для общества, но полезно для этих «мы», что они пришли, наконец, к сознанию, не нужно ли им хоть немножко поучиться. Смешно и грустно было бы для общества узнать от самих этих «мы», что они еще не знают, полезно ли учиться; но для самих этих «мы» было бы уж очень большим шагом вперед то, что от прежней уверенности в ненужности и вреде учения они перещли к со-

мнению об этом предмете и начинают подумывать, что, может быть, и нужно им учиться; это служило бы для общества предвестием тому, что когда-нибудь и убедятся в надобности учиться.

Но автор статьи, очевидно, относит не к себе и к своим единомышленникам, а к русскому обществу свое сомнение о существовании охоты учиться. Он говорит, что, повидимому, кажется, будто общество хочет учиться. Признаками тому как будто служат «сотни новых журналов, десятки воскресных школ». — Сотни новых журналов, да где же это автор насчитал сотни? А нужны были бы действительно сотни. И хочет ли автор знать, почему не основываются сотни новых журналов (вероятно, он хотел сказать: газет), как было бы нужно? Потому, что по нашим цензурным условиям невозможно существовать сколько-нибудь живому периодическому изданию нигде, кроме нескольких больших городов. Каждому богатому торговому городу было бы нужно иметь несколько хотя маленьких газет; в каждой губернии нужно было бы издаваться нескольким местным листкам. Их нет, потому что им нельзя быть. Говорят, что это скоро переменится; дай бог 1.

«Десятки воскресных школ». — Вот это не преувеличено, не то что «сотни новых журналов»: воскресные школы в империи, имеющей более 60 мил. населения, действительно считаются только десятками. А их нужны были бы десятки тысяч, и скоро могли бы, точно, устроиться десятки тысяч, и теперь же существовать, по крайней мере, много тысяч. Отчего же их только десятки? Оттого, что они подозреваются, стесняются, пеленаются, так что у самых преданных делу преподавания в них людей отбивается охота преподавать ².

Если это неправда, потрудитесь доказать противное и попробуйте в доказательство обнародовать некоторые записки и совещания, результатом которых были разные правила и инструкции относительно воскресных школ.

Но, по мнению автора статьи, эти признаки желания общества учиться, то есть небывалые сотни новых журналов и действительные десятки (удивительное число!) воскресных школ — признаки обманчивые: «послушаешь крики на улицах, скажут, что вот там-то случилось то-то, и поневоле повесищь голову и разочаруешься...» Позвольте, г. автор статьи: какие крики слышите вы на улицах? Крики городовых и квартальных, — эти крики и мы слышим. Про них ли вы говорите? — «Скажут, что вот гам случилось то-то, а здесь вот то-то» — что же такое, например? Там случилось воровство, здесь превышена власть, там сделано притеснение слабому, здесь оказано потворство сильному, — об этом беспрестанно говорят.

От этих криков, слышных всем, и от этих ежедневных разговоров в самом деле «поневоле повесишь голову и разочаруещься». Но автор статьи ведет речь не о том. Он толкует о так-называемых историях со студентами. Что ж, и об этих историях мы

умели бы рассказать много любопытного. Например, захватывались все люди, которых заставала полицейская или другая команда на известном пространстве набережной, служащей единственным путем сообщения между двумя частями города, и все эти люди держались не один месяц в заключении, без разбора даже того, каким образом кто из них находился на опальном пространстве в несчастную минуту, -- не проходил ли кто-нибудь из них через это пространство с Васильевского острова в Гостиный двор для покупки сукна или сапог; не проходил ли другой с этой стороны города на бывшую тогда выставку картин в Академии художеств, — не только без всякого отношения к студенческой истории, но, быть может, и без понятия о том, что существуют на белом свете люди, называемые студентами. Если угодно, можно будет указать сотни подобных сторон в делах, называемых студенческими историями. Но автор статьи говорит не об этих многочисленных сторонах, но только об одной той, которая, по его мнению, может быть обращена в порицание студентам. По его словам, «поколение», которое ныне должно кончать свое обравование, отказалось от ученья, оно может обойтись и без науки: это поколение косвенным образом содействовало закрытию Петербургского университета и прямо — прекращению публичных лекций. Будем говорить о деле даже только в тех слишком узких границах, в которых угодно рассуждать о нем автору статьи.

Первым доказательством тому, что молодое поколение, представляемое студентами эдешнего университета, отказалось от ученья, он выставляет события, вследствие которых был закрыт университет. Чем были вызваны эти события? Теми «правилами», которые сделались известны под именем матрикул ³. Чем были недовольны студенты в этих правилах? Общий дух правил состоял в том, что студентов, людей, вообще имеющих тот возраст, в котором, по законам нашей же империи, мужчина может жениться и становиться отцом семейства, возраст, в котором, по законам нашей же империи, человек принимается на государственную службу, может быть командиром военного отряда[, хозяйством которого будет управлять, над людьми которого будет иметь очень большую дискреционную * власть], может быть товарищем председателя гражданской или уголовной палаты [и решать самые многосложные гражданские дела о миллионах или приговаривать людей к плетям и каторге, может быть даже управляющим палатою государственных имуществ или удельною конторою, то есть иметь очень значительную самостоятельную власть над сотнями тысяч], -- студентов, людей этого возраста, «правила» хотели поставить в положение маленьких ребят. Удобно ли это вообще? — Пусть рассудит автор статьи. Мы ограничимся только тою стороною дела, о которой угодно рассуждать ему,

^{*} Произвольную. — Pe_A .

Если люди признаны недостойными или неспособными находиться в ином положении, чем маленькие ребята, значит, эти люди признаны неспособными и науку изучать в таком виде, в каком сообщается она вэрослым людям и в каком должна преподаваться в университете; эначит, общий дух «правил» необходимо вел к обращению университета со стороны преподавания в училище малолетних ребят, в низшие классы гимназии, в уездные училища. Значит ли, что взрослый человек отказывается от учения, когда недоволен тем, что его хотят учить, как маленького ребенка? Это пусть знает автор статьи относительно общего духа «правил». Кроме того, были в них два отдельные постановления, в особенности возбудившие неудовольствие студентов. Эти два постановления были: во-первых, отнятие права у университетского начальства освобождать недостаточных студентов от взноса платы за слушание лекций ⁴ и воспрещение студенческих сходок. Разъясним автору статьи значение этих постановлений.

Плата за слушание лекций составляет 50 руб. в год. Большинство студентов — люди, не имеющие совершенно ничего и живущие самыми скудными и неверными доходами, из-за приобретения которых они бьются бог знает как. Кто из этих бедняков имеет какие-нибудь уроки, тот уже счастливец. Не имея верного рубля серебром на чай и сахар, не имея никогда хотя бы 20 руб. свободных денег, каким образом могли бы эти люди взносить по полугодиям 25 руб., требуемые в начале каждого семестра? Прекращение права университетского начальства освобождать бедных студентов от взноса платы за слушание лекций равнялось отнятию у большинства студентов права слушать лекции. Если они почувствовали неудовольствие на такое распоряжение, значит ли, что они не имели охоты учиться?

Людям, перебивающимся такими малыми и неверными доходами, как большинство студентов, беспрестанно бывают очень важны какие-нибудь 10 или 20 рублей. Через месяц, через два студент как-нибудь перевернется, - получит уроки, достанет несколько листов перевода, и будет уделять рубли на уплату долга; через три, четыре месяца доходы опять иссякнут и опять придется занимать. Понятна важность кассы взаимного вспоможения для общества людей, живущих в таком положении. Понятно также, что этою кассою никто не может управлять, кроме товарищей тех людей, которым она должна помогать. Тут нужно до мельчайших точностей знать дела и характер каждого просящего денег. Ведь обеспечения в уплате нет никакого, кроме личного характера; а видимое положение почти всей массы таково, что, кроме близких знакомых, никто не может различить, действительно ли нужно пособие требующему его, или требование неосновательно. Ни профессора, никакое начальство не может заменить студентов в управлении их кассой. Также никто, кроме студентов, не в состоянии и проверять добросовестность или беспристрастие распорядителей кассы. Эначит, при существовании кассы необходимы сходки студентов для выбора депутатов, распоряжающихся кассой, для поверки их отчетов, для обсуждения многочисленных случаев, в которых сами распорядители кассы будут чувствовать надобность спрашивать советов. Эначит, запрещение студенческих сходок равнялось уничтожению студенческой кассы, столь необходимой.

Понятно ли теперь автору статьи и его единомышленникам, какой смысл имело недовольство студентов воспрещением сходок и непременною обязанностью платы за слушание лекций с каждого студента? Тут дело шло не о каких-нибудь политических замыслах, а просто о куске хлеба и о возможности слушать лекции. Этот хлеб, эта возможность отнимались.

Или это не так? Попробуйте доказать противное; попробуйте

напечатать документы, относящиеся к этому периоду дела.

[Угодно ли слушать, что было далее? Студенты, которым сходки еще не были воспрещены, собрались, чтобы путем, который они считали законным и который тогда еще не был незаконным (потому что «правила» еще не были приведены в действие, и потому студенты даже и формально еще не имели основания считать воспрещенным для них в эти дни то, что не было им воспрещаемо прежде), — чтобы законным путем просить высшее начальство университета ходатайствовать перед правительством об отменении «правил», искажавших характер университетского преподавания и отнимавших у большинства студентов возможность слушать лекции. Начальство это находилось в здании университета. Но, узнав о предполагавшемся представлении просьбы, оно исчезло. Надобно было отыскивать, где оно. Натуральнее всего было предположить, что надобно искать его на его квартире. Студенты пошли к этой квартире. Они шли совершенно спокойно 5.

Или это не так? Но ведь это известно всему городу.

Виним ли мы кого-нибудь? Нет, мы еще только пробуем, можно ли и без всяких обвинений против кого-нибудь объяснить автору статьи и его единомышленникам, что напрасно винят они студентов в нежелании учиться. Мы еще сомневаемся, допущено ли будет говорить хотя в этом тоне. Но если из допущения этих замечаний мы увидим, что можно сделать дальнейшую пробу публичного разбора этих дел, тогда мы прямо попробуем сказать, кого тут следует винить и за что.

Итак, студенты вынуждены были перейти из здания университета в другую часть города, чтобы отыскать свое начальство для представления ему просьбы, на представление которой оставалось за ними законное право и были у них такие уважительные причины, как желание учиться и забота о куске хлеба для возможности учиться. Найденное ими начальство пригласило их возвратиться в здание университета. Они сделали это с радо-

стью, как только получили от начальства обещание, что оно также отправится туда для выслушания их просьбы.

Образ их действий был так мирен и законен, что само это начальство почло себя вправе уверить студентов на совещании с ними в здании университета, что никто из них не будет арестован или преследуем за события того дня. На другой день поутру жители Петербурга и в том числе студенты были встревожены известием, что ночью арестовано значительное число студентов 6.

Виним ли мы кого-нибудь за эти аресты? Нет, мы еще не

пробуем теперь делать этого, как уже и говорили выше.

Но весь город недоумевал при несоответствии факта с уверением, которое публично дано было накануне университетским начальством. Студенты желали, чтобы начальство разъяснило им это недоумение и сообщило им, насколько то удобно по обстоятельствам, в чем обвиняются их арестованные товарищи, чего ждать этим товарищам и всем другим студентам.

Узнать это желал весь город.

Вследствие попытки студентов узнать, не может ли университетское начальство сколько-нибудь разъяснить им это дело и сколько-нибудь успокоить тревогу каждого из них за самого себя — были новые аресты.

Опять повторяем, что мы еще не пробуем винить кого бы то ни было. Посмотрим, откроется ли нам впоследствии возможность к этому. Но если откроется, то, разумеется, мы воспользуемся ею.]

Продолжать ли изложение дальнейшего хода осенней студенческой истории, следствием которой было закрытие здешнего университета? Если угодно будет автору статьи и его единомышленникам, мы готовы будем сделать это для пополнения их сведений о ней. Но для нашей цели довольно изложенных фактов. Автор статьи выставляет закрытие здешнего университета следствием или признаком нежелания студентов учиться. Мы доказали, что события, имевшие своим следствием закрытие университета, произошли от недовольства студентов «правилами», отнимавшими у большинства их возможность учиться.

Рассматривать ли вопрос, до какой степени имелась в виду при составлении «правил» эта цель — отнятие возможности учиться у большинства людей, поступавших в студенты университета. Мы не будем рассматривать этого вопроса теперь; но если автор статьи или его единомышленники считают нужным доказать, что эта цель нисколько не имелась в виду при составлении «правил», пусть они напечатают документы, относящиеся к тем совещаниям, из которых произошли «правила».

Но, во всяком случае, какую бы цель ни полагали себе лица, занимавшиеся составлением «правил», «правила» вышли таковы, что необходимым их последствием было бы именно отнятие возможности учиться у большинства студентов и возбуждение не-

довольства в студентах этим отнятием. Таково было мнение не одних студентов, а также и большинства профессоров здешнего университета и многих других лиц, [занимавших или занимающих теперь в министерстве народного просвещения места более высокие.]

Если автор статьи и его единомышленники хотят опровергнуть это наше свидетельство, пусть попробуют они напечатать документы, относящиеся к заседаниям совета здешнего университета по вопросу о тогдашних университетских «правилах», и другие документы, связанные с этим вопросом.

Если же они захотят утверждать, что разделяемое нами мнение этих лиц о тогдашних «правилах» неосновательно, то пусть они докажут, что мы ссылаемся на факты, выдуманные нами ⁷, когда говорим, что в скором времени после закрытия здешнего университета правительство учредило комиссию для пересмотра этих «правил»; что председателем этой комиссии было назначено лицо, формально осудившее эти «правила» при самом же их обнародовании и отказавшееся приводить их в исполнение в своем университете ⁸; что теперь эти «правила» совершенно отвергнуты правительством.

Когда будет доказано, что мы лжем, указывая на эти факты, только тогда будет доказано и то, что ошибочно было впечатление, произведенное этими «правилами» на студентов здешнего университета, и что причиною закрытия здешнего университета были не именно эти «правила», а нежелание студентов учиться.

Переходим к другому факту, выставляемому у автора статьи вторым доказательством нежелания студентов учиться. Этот факт — прекращение публичных лекций весною нынешнего года. Мы думаем, что автор статьи и его единомышленники не найдут вредящим убедительности своего мнения об этом происшествии то, что мы не делаем попытки к изложению обстоятельства, за несколько дней перед прекращением лекций возбудившего очень сильные толки в целом городе 9; надеясь на то, мы не будем касаться этого предварительного обстоятельства [, рассмотрение которого не необходимо для частного вопроса о степени виновности студентов в прекращении публичных лекций. Для нашей цели достаточно будет начать изложение дела несколькими днями позже этого первоначального случая.

Мы слышали, что за два дня до прекращения лекций, объявленного в четверг, 8 марта, было (во вторник, 6 марта, вечером) на квартире одного профессора собрание профессоров, читавших лекции; что на этом собрании эти профессора приняли решение прекратить лекции; что, будучи спрошены, свободно ли и по собственному ли убеждению они приняли это решение, они отвечали, что приняли его совершенно свободно, по собственному убеждению ¹⁰. Мы желаем знать, может ли быть отрицаема достоверность этого слышанного нами рассказа; и пока не будет нам

доказано, что она может быть отрицаема, мы считаем делом излишним доказывать какими-либо другими соображениями, что прекращение публичных лекций не должно быть приписываемо студентам. Если же автор статьи или его единомышленники захотят опровергать слышанный нами и сообщенный здесь рассказ о собрании профессоров вечером во вторник 6 марта, то мы предупреждаем, что он может быть опровергаем только свидетельством самих профессоров, бывших на этом собрании, и что это свидетельство будет заслуживать рассмотрения только тогда, когда будет скреплено их подписями.

Мы посвятили несколько страниц разбору нескольких строк, которыми начинается статья «Учиться или не учиться?» Теперь можем итти быстрее.

Автор статьи, «разочаровавшись» в нынешних студентах, спрашивает себя, каковы будут будущие студенты: «будут ли они грозить кафедрам свистками, мочеными яблоками и т. п. уличными орудиями протестующих», т. е. нынешних студентов. Свистки и моченые яблоки употребляются не как «уличные орудия»: уличными орудиями служат: штыки, приклады, палаши; пусть вспомнит автор статьи, студентами ли употреблялись эти уличные орудия против кого-нибудь, или употреблялись они против студентов, и пусть скажет, если может, была ли нужда употреблять их против студентов : и если вздумает говорить, что нужда в этом была, то пусть объяснит, было ли в то время разделяемо такое мнение высшим начальством расположенного в городе отдельного гвардейского корпуса.] Итак, отлагаем речь об употреблении уличных орудий во время студенческой истории до той поры, когда автор статьи покажет нам возможность подробнее заняться этим предметом. — Что же касается свистков и моченых яблок, эти орудия протеста употребляются за границею в театральных и концертных залах, а не на улицах; но находился ли хотя один свисток в руках у кого-нибудь из студентов и было ли хотя одно моченое яблоко брошено в кого-нибудь на какойнибудь лекции или студенческой сходке? Мы не слышали ничего подобного и будем полагать, что ничего подобного не было, пока автор статьи не докажет противного. Впрочем, он, вероятно, только не умел выразиться с точностью или увлекся красноречием, а в сущности намерен был сказать только, что 8 марта в зале городской думы было шиканье и свист. Кто свистал и шикал? По одним рассказам, большая половина присутствовавших, по другим рассказам — меньшинство, но очень многочисленное. Между тем известно, что студенты составляли лишь небольшую часть публики, находившейся в зале. И если бы не хотела свистать и шикать публика, то голоса студентов были бы заглушены ее аплодисментами, если бы и все до одного студенты шикали. А притом известно, что многие из них не свистали и не шикали.

Следовательно, многочисленность свиставших и шикавших показывает, что шикала и свистала публика. Это положительно утверждают и все слышанные нами рассказы: часть публики аплодировала, другая часть шикала. Если шиканье было тут дурно или неосновательно, то извольте обращать свои укоризны за него на публику, а не на студентов. Пропуская несколько тирад, содержащих в себе вариации на строки, нами разобранные, заметим слова, относящиеся также к прекращению публичных лекций: студенты «стали требовать от профессоров, чтобы они пристали к их протестациям и демонстрациям». Когда это было? Сколько мы знаем, этого никогда не было. «Конечно, последние отказались». Как они могли «отказываться» от того, к чему их никогда не приглашали и чего никогда не предполагали делать сами студенты? «Это вызвало со стороны учащихся ряд неприличных выходок» — каких это выходок? Когда они были? [— «что и публичные лекции должны были закрыться». Решение прекратить публичные лекции как мы сказали, было принято профессорами вечером 6 марта свободно и по их собственному убеждению, как они тогда же объявили, и никакие выходки сс стороны студентов не предшествовали этому свободно принятому профессорами решению. 1

Далее автор статьи рассуждает о «свободе» человека «иметь в религии, политике и т. д. такие убеждения, какие почитает лучшими», и порицает наших «либералов» за то, что они стесняют эту свободу во всех других людях. В доказательство тому приведена фраза из одной моей статьи; впрочем, она совершенно напрасно выставляется уликой против либералов, которые всегда отвергали всякую солидарность со мною и порицали мои статьи не меньше, чем автор статьи порицает студентов. А главное дело в том, что чем же студенты-то виноваты в моих статьях или в неблагонамеренности либералов? Разве я советуюсь с студентами, когда пишу свои статьи? или разве наши «либералы», — имя, под которым разумеются люди более или менее не молодые и чиновные и уж ни в каком случае не студенты,--разве они набираются своих мнений от студентов? Впрочем, автор только не умел начать речь так, чтобы понятно было, к чему он ведет ее, — а он ведет ее не к тому, чтобы винить студентов за неблагонамеренность наших «либералов», каковых он обижает совершенно напрасно, выставляя их солидарными со мною, с которым не хотят они иметь ничего общего, а к тому, чтобы убедить студентов перестать верить этим «либералам», которых он выставляет похожими на «турецких пашей» и имеющими привычку «грозить побоями» людям других мнений. Но, вопервых, студенты никогда и не верили нашим «либералам», всегда считали их людьми пустыми, даже и не турецкими пашами, а просто пустозвонами; во-вторых, если статья имеет целью подольститься к студентам и разочаровать их насчет «либералов» (забота совершенно излишняя), то статья не должна была бы так несправедливо винить самих студентов и тем отнимать у них расположение к мыслям, в ней изложенным.

Потом идет речь о каких-то «деспотах» и «инквизиторах», под которыми автор статьи разумеет все тех же наших «турецких пашей», то есть, по его мнению, «либералов». Они между прочим сравниваются с двумя Наполеонами,— тем, который ходил в Москву, и тем, который управляет теперь Франциею, и которые «оба были республиканцами». Но это последнее слово уж никак неприложимо к нашим «либералам», которые от республиканских понятий гораздо дальше, чем от понятий, свойственных автору статьи. Вот удивятся они, что успели прослыть

республиканцами!

Затем автор «от души жалеет тех молодых людей, которые, еще не искушенные опытом жизни, увлекаются обманчивой и ласковой наружностью лжелибералов», — успокойтесь, почтенный автор: ни лжелибералами, ни просто либералами молодые люди никогда и не увлекались [,когда собирались просить свое начальство об отмене «правил», из-за которых произошли события, имевшие своим последствием закрытие университета; а прекращение публичных лекций было следствием решения, принятого, как мы уже говорили, профессорами, читавшими лекции]. Затем опять идет речь о «миньятюрных бонапартиках и кромвельчиках», которые были будто бы «коноводами» студентов. Любопытно было бы знать, на каких основаниях автор статьи полагает, что во время, предшествовавшее закрытию здешнего университета, или во время, предшествовавшее прекращению публичных лекций, у студентов были «коноводы» из людей, не принадлежавших к студенческому обществу? Мы положительно говорим, что никаких таких «коноводов» студенты не имели 11. Если же автор статьи желает опровергнуть это, то пусть попробует напечатать следственные дела, производившиеся по поводу осенней студенческой истории или по другим процессам, в которых падало подозрение на каких-нибудь студентов, — тогда мы увидим, подтверждается или опровергается этими документами мнение автора о каких-то будто бы существовавших тогда связях между студентами и какими-то «коноводами». Пока не будут обнародованы документальные доказательства подобных отношений, мы будем утверждать, что ни в каких документах ничего подобного отыскать нельзя, а во множестве документов должно находиться множество фактов, положительно уничтожающих всякую возможность хотя скольконибудь основательного предположения о существовании этих мнимых связей.

Но вслед за обличением «миньятюрных бонапартиков и кромвельчиков», которые губили студентов, мы читаем успокоительное уверение, что теперь студенты уже отвергли этих

12

прежних своих зловредных коноводов: «высказавшись слишком рано, они (миньятюрные бонапартики и кромвельчики) вовремя оттолкнули от себя тех, которые сначала поверили было искренности их стремлений», т. е. оттолкнули от себя студентов. Ну, вот и слава богу. Далее следует уверение, еще более отрадное: по словам автора, скоро и вовсе провалятся в общественном мнении миньятюрные бонапартики или кромвельчики. Вот в подлиннике это чрезвычайно утещительное предуведомление:

«До сях пор еще, впрочем, условия ценсуры несколько затрудняли общественное разочарование; если же (как носятся слухи) печать будет, в скором времени, более облегчена, тогда мыльные пузыри или миражи рассеются сами собою, и тогда вряд ли будут увлекаться даже наивнейшие из самых наивных людей. Это будет первой и огромной пользой, которую принесет за собою облегчение печати.

Когда можно будет говорить свободнее, тогда лжелибералы встретят себе сильный отпор в людях, истинно преданных какой-инбудь мысли; тогда никто не будет стеснен: на один полунамек, темный, неясный, обманчивый и двусмысленный, ответят десятью ясными и здравыми словами. Внутренняя пустота, скрывающаяся теперь под наружными формами каких-то убеждений, должна будет уступить полноте убеждений истиных».

Дай бог, дай бог, чтобы поскорее пришло такое хорошее

время

Но дальше автор статьи как будто несколько сбивается в словах: «обществу», говорит он, «нужны коноводы»; ну, на что же это похоже, что он желает всему обществу стать в послушание «коноводов», когда сам же так сильно напустился на студентов по одному неосновательному подозрению, что они имели «коноводов»? Ай, ай, ай, ведь это уж вовсе нехорошо! Да то ли еще провозглашает автор статьи: мало того, говорит, что обществу нужны «коноводы», — «народу нужны полководцы», — с нами крестная сила, что это такое значит? какие это полководцы нужны народу? Разве народ надобно поднимать против когонибудь, вооружать? вести в какие-нибудь битвы? Странно, странно читать такие вещи, напечатанные в «С.-Петербургских ведомостях», и перепечатанные оттуда в «Северной пчеле». Ну, договорился благонамеренный автор статьи до того, что оставалось бы ему только тут же закончить статью восклицанием про себя: «Язык мой — враг мой!» Но он, нимало не конфузясь, продолжает: «довольно мы слышали всяких возгласов; нам теперь нужны дело и люди дела». Я совершенно разочаровываюсь в благонамеренности автора и кричу: «слово и дело!» Что же это, в самом деле, автор хочет, чтобы у нас образовалось то, что в Италин называется «партия действия»? 12

[Выразив это желание, которое так удивительно видеть напечатанным в петербургских газетах, автор возвращается от забот о ведении народа в какие-то битвы снова к студентам. Ну, думаем, авось-либо поправится, обнаружит прежнюю благонамеренность; не тут-то было. Он говорит, например, что если бы

публичные лекции не были прекращены демонстрациею 8 марта в зале городской думы, то «сочувствие общества принадлежало бы» студентам «вполне, потому что в таком случае все их прежние демонстрации имели бы смысл». — Позвольте, позвольте: а какой смысл имеют эти слова? Дело студентов испорчено прекращением публичных лекций, - без этого случая «прежние их демонстрации имели бы смысл, и сочувствие общества принадлежало бы студентам вполне» — так; значит, до этого случая оно не было испорчено, и «сочувствие публики вполне принадлежало студентам» и их «прежние демонстрации» казались публике (или даже и автору статьи?) «имеющими смысл»? Так, так. А ведь решение прекратить публичные лекции было принято профессорами; значит, только профессора испортили дело студентов, а то оно «вполне» пользовалось сочувствием публики, — ну, хорошо; только уже не слишком ли автор выставляет профессоров порицанию публики!

К этому, что ли, хотел привести речь автор статьи, что студенческое дело испорчено только профессорами?]

Хорошо, хорошо, слушаем, что будет дальше.

Дальше автор говорит, что столичные университеты безнадежны, погубили себя безвозвратно (или он не то хочет сказать? Ведь у него не разберешь, — ведь, может быть, [он и профессоров не хотел выставлять людьми, испортившими студенческое дело, и народ не хотел вести на борьбу против каких-то врагов)], и что «остается надежда» только «на провинциальные университеты» — что это значит? Предположено уничтожить здешний и Московский университеты? Или это только неуменье автора выражаться? Должно быть, только неуменье выражаться, потому что вслед затем статья оканчивается уведомлением о возобновлении лекций в эдешнем университете и вопросом: «какие слушатели соберутся» в здешний университет, когда он снова откроется, и будут или не будут они «учиться»? На эти вопросы отвечать очень легко: соберутся в университет все те не успевшие кончить курса слушатели его, которые будут иметь средства и получат дозволение собраться; а учиться они будут, пока им не помешают учиться.

Но автор статьи, вероятно, только не умел выразить свою настоящую мысль и хотел спросить вовсе не об этом, а о том, будут ли новые демонстрации со стороны студентов при открытии или по открытии университета? И на это можно отвечать очень определенно: студенты решили до последней крайности воздерживаться от всяких демонстраций, и, насколько делание или неделание демонстраций зависит от воли студентов, демонстраций не будет. Но ведь не всесильны же студенты — мало ли что делается против их желания? Вот, например, публичные лекции они устраивали с мыслью держать себя совершенно спокойно и удерживали спокойствие в залах лекций, пока могли;

а все-таки произошла демонстрация 8 марта. Студенты накануне решали, что не нужно делать демонстрации; но обстоятельства сложились против их воли так, что она была произведена публикою.

Прошедшие события должны служить уроком для людей, которые думают, что демонстрации вредны. Эти люди должны предотвращать такие обстоятельства, из которых рождаются демонстрации.

О, если бы эти люди приобрели хотя наполовину столько самообладания и благоразумия, сколько имеют студенты — тогда, конечно, не было бы никаких демонстраций.

Посмотрим, как эти люди будут держать себя при открытии и по открытии университета, и тогда увидим, научились ли они рассудительности. [А мало надежды на это, если люди, о которых мы говорим, разделяют взгляд, выразившийся в статье, нами разобранной.] ¹³